

чувством неприятия любого зла, такая постановка вопроса, даже в абстрактной плоскости, не представляется приемлемой, и он спешит поправить императрицу: «Убити не один политический закон дитя свое препятствует, но и моральный, основанный на одной естественной добродетели» (83).

Екатерина не могла не признать справедливости замечания своего оппонента, хотя реальный политик в ней оказывается всегда сильнее абстрактного законодателя. «Я думаю, что все законы на морали основаны, однако не лишиться жителя есть в политическом законе», — гласила ее реплика на приведенное замечание драматурга (Там же). Иными словами, при всем уважении «естественной добродетели» как моральной основы законов, решающим гарантом стабильности в гражданском обществе остается, в ее глазах, соблюдение гражданского закона. Для устранения возможных противоречий императрица рекомендует прибегать к помощи осведомленных лиц из числа ученых Академии наук, профессоров Университета, юриспрудентского класса Кадетского корпуса.¹³ Сумароков и здесь скептически воспринимает рекомендации автора «Наказа»: «Вместо наших училищ, а особливо вместо Кадетского корпуса потребны великие и всею Европою почитаемые авторы, а особливо несравненный Монтескиу, но и в нем многое критике подлежит, о чем против его и писано» (83).

Сумароков, конечно же, не знал о содержании писем Екатерины II к Д'Аламберу, где она признавалась в своем увлечении идеями Монтескье, хотя влияние, оказанное трактатом этого мыслителя на «Наказ» императрицы, для него не подлежало сомнению. Говоря об авторах, критически воспринимавших взгляды, развивавшиеся в трактате «О духе законов», Сумароков мог иметь в виду и Вольтера, и петербургского академического историка Штрубе де Пирмонта, полемизировавшего с Монтескье в своей книге «Русские письма» («Lettres Russiennes»), вышедшей анонимно на французском языке в Петербурге в 1760 г. и, конечно же, известной в русских образованных кругах. Екатерина II читала ее, и в замечаниях, сделанных на полях книги де Пирмонта, она брала французского мыслителя под защиту.¹⁴ Вряд ли Сумарокову было известно также о чтении Екатериной названной книги и полемике ее с автором, но критический выпад драматурга против Монтескье не прошел для нее незамеченным. И комментируя последнюю фразу из замечаний Сумарокова на «генерал-прокурорский наказ», императрица спешит прикрыться авторитетом французского философа, претендуя на ту же участь, какую имел он у своих критиков: «Многие критиковали Монтескиу, не разумея его: я вижу, что я сей жребий с ним разделю» (84).

¹³ Там же. С. 107.

¹⁴ Об этом мне уже приходилось писать в статье «Екатерина II — полемист» (Философский век. Альманах 11. Екатерина II и ее время. Современный взгляд. СПб., 1999. С. 161—162).